

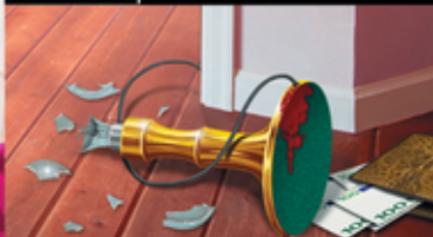
ГЛАВНЫЙ
ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ –
ДРОНГО

*...Если я назову вам
семейные пары,
которые занимаются
свингерством, вы не
поверите...*

Чингиз Абдуллаев

Разорванная
связь

Чингиз Акифович Абдуллаев
Разорванная связь
Серия «Дронго», книга 73

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180936
Разорванная связь: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32546-7*

Аннотация

Две супружеские пары решили пошалить – заняться грешными свингерскими забавами. Удовольствие оказалось сомнительным, а через день один из незадачливых свингеров был убит в номере отеля. Самое интересное, что в убийстве обвиняют... эксперта-аналитика Дронго. Для него теперь дело чести найти настоящего убийцу и этим спасти не только свою репутацию, но и свободу. Подозреваемых много, но Дронго уверен: убийцы среди них нет, но он появится там, где его менее всего можно ожидать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	39
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Чингиз Абдуллаев

Разорванная связь

Умелая езда не оставляет следов, от умелых слов не остается царапин, умеющие считать не прибегают к счетным биркам, когда умело запирают дверь, не прибегают к дополнительным замкам, но ее не отпереть, когда умело завязывают узел, не нужны дополнительные веревки, но его не развязать. Так и Премудрый человек проявляет неизменное умение спасать других, и поэтому нет брошенных людей, умеет с неизменностью спасать вещи, и потому они не брошены. Это иногда называют внезапно набегавшим просветом. Возможно, поэтому добрый человек недоброму выступает в роли наставника, а недобрый человек для доброго является опорой. Когда не дорожат своим наставником и не щадят своей опоры, то пусть бы были они даже и очень умны, но пребывают в тяжком заблуждении. В этом заключается вся суть и тайна.

Лаоцзы. «Даодэцзин».

Если бы ложь, подобно истине, была одноликою, наше положение было бы значительно легче. Мы считали бы в таком случае достоверным противоположное тому, что говорит лжеец. Но противоположность истине обладает сотней

*тысяч обличий и не имеет пределов.
Мишель Монтень. «Опыты».*

Глава 1

В этом большом мире было много прекрасных мест, куда хотелось возвращаться. Одним из городов, которые ему так нравились, была Барселона. Большие города у моря имеют свою особую неповторимую специфику. Свой особенный запах моря, неистребимый аромат йода и рыбы, свою энергетику открытого водного пространства, свою красоту с продуваемыми ветрами приморскими бульварами и распахнутыми окнами с видами на открытый горизонт. Он вырос в таком городе, и, возможно, подсознательно именно это обстоятельство делало для него такой привлекательной Барселону. Ему нравился этот раскинутый город, в котором так отчетливо ощущалось присутствие гениального Гауди, с его «галлюциногенными» домами, казалось, растекающимися перед набегаящими волнами, с его храмами, садами, проспектами, улицами, даже фонарями.

Историки полагали, что Барселона была основана самим Гамилькаром Баркой, отцом Ганнибала, еще в третьем веке до нашей эры и получила свое название в честь своего основателя. Как бы там ни было, Барселона прожила свою двадцатичетырехвековую историю, как и подобает настоящему

городу, ставшему легендой. Мужественно встречая захватчиков, подвергаясь опустошительным набегам, отстраиваясь вновь и вновь, возрождаясь после каждого потрясения. При диктаторе Франко ей даже вырвали язык, как и всей Каталонии, запретив учиться и говорить на родном наречии. Но разве можно отучить целый народ от своего языка? Франко ушел в небытие, провожаемый насмешками и проклятиями, а Каталония стала одной из самых важных провинций Испании, куда вернулся родной язык.

Он приехал сюда сегодня утром и сразу отправился в отель «Хуан Карлос», названный так в честь здравствующего испанского короля. При входе в отель справа от стойки портье любой гость мог увидеть прекрасный портрет короля, выполненный в строго реалистическом стиле. И хотя рекламные ролики самого отеля уверяли, что он находится почти в центре города, это была явная неправда. Отель находился достаточно далеко от центра, но именно это обстоятельство более всего нравилось Дронго. Отсюда можно было совершать долгие пешие прогулки по авениде Диагональ, выйти на всемирно известный проспект Грасиа, где на небольшой улице можно было увидеть сразу несколько шедевров Гауди. Ему нравился процесс прогулки по этому городу и великолепный отель, где можно было отдохнуть. Здесь был отменный спа-центр, в котором, кроме открытого и закрытого бассейнов, было множество комнат с различными типами саун и соляриев.

Вечером он спустился поужинать в ресторане. Достав газеты, он начал их просматривать. За соседним столиком сидел мужчина лет сорока пяти. У него были русые волосы, серые глаза, ровные черты лица, узкие губы, прямой нос. Его можно было даже назвать красивым. Он был высокого роста, подтянутый, очевидно, занимавшийся спортом. Мужчина был в костюме и рубашке без галстука. Он растерянно глядел на стоявшую перед ним бутылку вина и большой пухлый бокал.

Дронго читал газету на английском языке. Мужчина невольно посмотрел в его сторону и подозвал официанта.

– Принеси бутылку водки, – попросил он по-английски.

Дронго прислушался, кажется, у его соседа был русский акцент.

– Простите, сеньор, – удивился официант, – вы сказали, бутылку?

– Да, да, – раздраженно ответил незнакомец, – я хочу бутылку водки. Или в вашем отеле уже не дают водку?

– Сейчас принесу, – кивнул официант и быстро отошел от столика.

Незнакомец снова посмотрел на Дронго. Нахмурился. Достал свой мобильный телефон, чтобы позвонить, но затем передумал, положил аппарат на столик. Телефон был дорогим. Нет, даже не так. Он был очень дорогим. Это была эксклюзивная модель «Вирту», и Дронго хорошо знал, сколько стоят такие телефоны. Он положил газету на английском

языке и достал газету на русском. Мужчина посмотрел на него и явно оживился. Официант принес бутылку водки. Опасливо взглянув на незнакомца, поставил ее на столик. Очевидно, испанский официант не понимал, как можно заказывать бутылку водки после семи часов вечера.

«Странно, – подумал Дронго, – у этого неизвестного как будто знакомое лицо. Но я его не видел. Или видел? Странно, я обычно запоминаю людей, с которыми встречаюсь».

Дронго попросил принести ему черный чай с лимоном, когда неизвестный, поднявшись, подошел к его столику.

– Извините, – произнес он негромко и по-русски, – вы господин... Дронго? Кажется, так вас все называют?

– Возможно, – Дронго убрал газету. – Разве мы знакомы?

– Мы встречались пять лет назад, – напомнил незнакомец, – у одного нашего знакомого, – он назвал фамилию. Дронго вспомнил, что действительно был знаком с этим режиссером. – У меня тогда были усы и бородка, – пояснил неизвестный. – Может, вы вспомните. Я Петр Золотарев.

– Теперь вспомнил. У вас тогда действительно были усы и борода, – улыбнулся Дронго. – Садитесь. Я обратил внимание, что вы пьете в одиночку. Какие-то проблемы?

– Лучше не вспоминать, – махнул рукой Золотарев, усаживаясь рядом с ним.

Он поднял руку, показывая на свой столик, и услужливый официант все сразу понял. Он перенес обе бутылки с одного столика на другой. И принес две рюмки и два бокала.

– Не будете пить, – понял по выражению лица Дронго Золотарев.

– Не буду, – ответил Дронго, – и вам не советую. Решать проблемы таким образом – не лучший выход.

– Почему вы решили, что у меня есть проблемы?

– Мне так показалось. Когда мужчина сидит вечером за столом и просит принести ему бутылку водки, то очевидно, что у него есть некоторые проблемы.

– Верно, – улыбнулся Золотарев, – вы ведь эксперт по вопросам преступности. Наш знакомый режиссер тогда уверял меня, что вы самый лучший аналитик в мире.

– Он преувеличивал. Творческие люди обычно обладают богатым воображением.

– Ничего подобного. Я слышал о вас от других знакомых. Говорят, что вы современный детектив. Такой аналог Шерлока Холмса. Говорят, что вы расследовали в Москве несколько известных дел.

– Не нужно верить подобным историям, – посоветовал Дронго, – людям нравится рассказывать сказки.

– Сказки, – усмехнулся Золотарев. Он налил себе рюмку водки и залпом выпил. – Сказки, – повторил он. – Иногда мы сами превращаем свою жизнь в глупую сказку, которая не всегда заканчивается счастливо.

Официант принес чашку чая с лимоном и поставил ее перед Дронго. Посмотрел на Золотарева и быстро отошел.

– А вы будете пить чай, – невесело продолжал Золотарев.

– Я уже вам сказал. Если вы будете настаивать, тогда вам лучше вернуться на свое место. Я не самый лучший собутыльник в этой стране. Извините, что я говорю так прямо, но, по-моему, лучше сразу расставить все точки. Пить я не буду. Зато готов вас выслушать. Вы ведь именно поэтому пересели ко мне.

– С чего вы взяли?

– Вам нужно высказаться. Это очевидно. А малознакомый или незнакомый человек почти идеальный вариант. Лучше таким образом выплеснуть все, что вас мучает, чем заливать ваши сомнения водкой. Я в этом убежден.

– Вы еще и психолог? – Золотарев протянул руку за бутылкой, но передумал. – Может, вы и правы, – неожиданно произнес он, – и мне действительно необходимо высказаться.

Он помолчал, словно собираясь с мыслями. Или раздумывая, стоит ли ему вообще говорить. Затем решительно протянул руку и снова налил себе водки. Залпом выпил.

– Я женат уже двадцать два года, – с непонятым вызовом начал Золотарев, – можете себе представить? Мы поженились ровно двадцать два года назад, еще во времена Советского Союза. Иногда кажется, что это было так давно, целую тысячу лет назад. Я тогда только закончил университет. Мы познакомились у наших знакомых. И через два месяца поженились. Двадцать два года. Наверно, солидный срок. Как вы считаете?

– Возможно, – кивнул Дронго, – во всяком случае, подобная стабильность говорит в вашу пользу.

– Ни о чем она не говорит, – махнул рукой Золотарев.

Он посмотрел на бутылку, но не протянул руку. Вместо этого поправил волосы и продолжал:

– У нас родилась дочь. Ей сейчас двадцать один. Сначала было сложно. Вы помните конец восьмидесятых и начало девяностых? Всем тогда было сложно. Я работал обычным инженером в НИИ, можете себе представить, какую зарплату я получал и как мы на нее существовали. Уже тогда было понятно, что так долго продолжаться не может. И я ушел на «вольные хлеба». Решил создать кооператив.

Он невесело усмехнулся.

– Каким наивным я тогда был. Мы, конечно, сразу прогорели. И еще осталась куча долгов. Пришлось за гроши продать нашу квартиру и переехать к родителям, чтобы расплатиться с долгами. В общем, тяжелое время было. И, конечно, у нас вспыхивали ссоры. Не без этого. Немногие смогли бы выдержать в подобных условиях. В девяносто первом Алиса взяла Лизу и переехала к своей маме. Алиса – это моя супруга, а Лиза моя дочь. Примерно год мы жили отдельно и не очень часто общались. Но на развод не подавали, не до того было, чтобы еще по судам бегать. Потом постепенно все стало налаживаться. Я вернулся в свой институт и сразу стал заместителем директора. Тогда все бежали из институтов, предпочитая работать в кооперативах. Откуда нам было

знать, что настоящая «золотая жила» была как раз в этих научно-исследовательских институтах, у которых была масса пустующих помещений, не стоящих тогда ни копейки.

Меня поэтому и сделали заместителем директора по хозяйственной части, учитывая мой опыт работы в кооперативе. Хотя опыт был скорее печальным. Алиса все время насмеялась, называя меня научным завхозом. В общем, она была права. Я действительно был обычным завхозом, просто моя должность именовалась – заместитель директора по хозяйственной части. И пошел я туда только потому, что окончательно погорел со всеми своими дурацкими проектами. Чем только мы не пытались заниматься. И продукты поставляли, и компьютеры собирали, и даже туристическое агентство организовали. Но ничего не смогли сделать. Продукты нам поставляли просроченные, а таможня нарочно держала их на границе, вымогая огромные деньги. Компьютеры оказались такими некачественными, что на них сразу махнули рукой и ни один магазин не хотел их принимать. А туристическое агентство занималось в основном отправкой спекулянтов и челночников, которые экономили на каждом рубле. Да еще и наши чешские партнеры оказались жуликами. Группы принимали в каких-то студенческих общежитиях, а кормили бутербродами и постными супами. Как обычно кормят бомжей.

Он тяжело вздохнул. Протянул руку и снова налил себе водки. Выпил.

– По-моему, много, – заметил Дронго, – вы не успеете рассказать свою историю.

– Ничего. Я свою норму знаю, – нахмурился Золотарев. – У нас в институте, – продолжал он, – внезапно умер заместитель директора по науке. Он был относительно молодым. Только сорок четыре года. Тогда решили не брать нового заместителя, не было никаких средств. Бюджетное финансирование нам отрезали, а на собственные средства мы с трудом сводили концы с концами, сдавая излишки площадей каким-то доморощенным кооперативам за гроши.

В девяносто втором стало немного лучше. Алиса к этому времени вернулась ко мне. Мы оба получили печальный опыт общения с другими партнерами. Ее новый друг оказался просто подлецом, он был женат, а ее обманывал, уверяя, что он холостой и скоро на ней женится. Вообще-то это настоящая подлость – обманывать так несчастную женщину с ребенком. Через несколько лет я с ним встретился и постарался втолковать ему эту истину....

– Убедили? – иронично спросил Дронго.

– Не думаю, – признался Золотарев, – но он все равно запомнит меня на всю оставшуюся жизнь. В общем, он был далеко не подарок. Хотя и мне тоже тогда не очень повезло. Моя новая пассия была настоящей стервой. Я потом узнал, что она меня все время обманывала. Даже не хочу вспоминать об этой дряни. В общем, мы оба обожглись и поняли, что от добра добра не ищут. Так, кажется, говорят умные

люди. В девяносто третьем у нашего института появился солидный спонсор. Они арендовали у нас большую часть помещений и начали нормально платить. Через два года серьезно заболел наш директор института. К этому времени стало ясно, что наш институт обречен. Академию мы вообще не интересовали, а два промышленных предприятия, на которые мы работали, были закрыты. Третье просто перепрофилировали. Я замещал нашего директора, когда ко мне пришли очень влиятельные люди из московской мэрии. Предложение было просто ошеломляющим. Я получаю пять миллионов долларов наличными и закрываю наш институт. Можете себе представить? Я всю ночь не спал, не зная, что им сказать. Потом поехал к нашему директору. Бедный старик, он тяжело болел. У него был рак кишечника. Я приехал и почти честно сказал, что они предлагают нам миллион долларов. И я готов половину денег отдать нашему директору. Он возмутился, стал кричать, потребовал, чтобы я ушел. Старик был идеалистом. Добрым наивным идеалистом старой школы. В коридоре меня перехватили его жена и сын. Они отвели меня на кухню, и мы долго разговаривали. Ему нужны были дорогие лекарства, которые просто разоряли их семью. Супруга и сын директора меня уговаривали. И уговорили. Я вернулся в институт и объявил «покупателям», что я согласен.

Золотарев тяжело вздохнул.

– Потом был трудный разговор с коллективом института. У нас работало на тот момент сто тридцать восемь человек, и

все должны были оказаться на улице. Было стыдно и неловко. В какой-то момент я просто не выдержал. Я ведь знал многих из них, понимал, как они нуждаются и как они сложно живут. У многих были дети, родители. Когда они начали меня упрекать, я просто сорвался. Встал и объявил всем, что каждый уволенный получит три тысячи долларов. Каждый. Тогда это были очень большие деньги. Примерная зарплата за пять-шесть лет вперед. Настроение сразу поменялось. Мне даже аплодировали.

И вы знаете, я никого не обманул. Подписал все документы и передал здание этим ловким ребятам. Потом я узнал, что они перепродали его уже за сорок миллионов долларов. Такие ловкачи. Но я получил свои пять миллионов. Для меня это были даже не огромные деньги, а целое состояние. Я честно выплатил почти полмиллиона долларов всем уволенным. И еще полмиллиона перевел на имя сына нашего директора. А остальные деньги оставил себе... Сейчас даже смешно вспомнить, как глупо мы себя вели. Сразу купили огромную квартиру за полмиллиона на Сретенке. Сейчас она стоит уже семь или восемь миллионов долларов. Приобрели два «Мерседеса». Наняли водителя. Накупили кучу ненужных вещей, приобрели земельный участок и начали строительство дачи. Когда осталось только два миллиона, я словно опомнился. Что дальше? Потрачу все деньги и снова стану нищим? Буду сдавать свою московскую квартиру? К хорошему быстро привыкаешь.

Мои друзья занимались инвестициями в строительный бизнес. И я решил рискнуть. Вложил оставшиеся деньги в эту компанию. Вы помните, какой строительный бум был в Москве? Он до сих пор продолжается, вот уже больше десяти лет. И на каждый вложенный рубль можно было заработать два. Или три. В середине девяносто восьмого у меня снова было около пяти миллионов. И вот здесь мне повезло. Просто невероятно повезло. Такое бывает только один раз в жизни. Мне предложили вложить деньги в другую компанию, где я мог стать одним из учредителей. Я снял все свои деньги, перевел их в доллары и начал ждать, когда будут готовы документы новой компании. С регистрацией все время тянули, вымогали большие взятки. И это меня спасло. В августе грянул дефолт. Вы помните, каким оглушительным по своим последствиям он был. Многие разорились, некоторые стрелялись, некоторые бросали все и убегали из страны. А у меня за одну ночь состояние увеличилось сразу в четыре раза. Ведь доллар вырос в четыре раза. С шести рублей до двадцати четырех. И почти ни у кого не было свободных денег. Это был мой шанс. Я купил тогда сразу восемь квартир в центре города. Восемь. Почти все, кто продавал мне квартиры, были разорившиеся бизнесмены средней руки, которые брали квартиры в кредит и не могли выплачивать деньги после дефолта. Ведь нужно было платить в четыре раза больше. Восемь квартир. И меня уже не мучила совесть, что я пользуюсь моментом. К этому времени я точно знал, что в биз-

несе нет такого понятия, как совесть. А есть только прибыль и убыток, которыми и оцениваются все твои достижения.

Восемь квартир, купленных за пять миллионов долларов, принесли мне через полтора года двенадцать миллионов. Теперь я был по-настоящему богат. Я стал учредителем большой инвестиционной компании, которая начала вкладывать деньги в строительство и в московскую недвижимость. У нашей компании «Лик» уже большие обороты. Мы о таких и не мечтали. Вы наверняка знаете, как выросли цены в Москве за последние десять лет. Взлетели до космических высот. И очень многие получают свои дивиденды на этом «космосе». Я вам скажу даже более откровенно. Половина всей суммы идет от накрутки. Это взятки чиновникам, откаты, завышение цен в строительных работах, в общем, полный букет. Но цена объективная, как бы странно вам это ни казалось. Ведь цена обычно складывается из двух составляющих. Спроса и предложения. А если в городе есть состоятельные люди, готовые платить уже по пять с лишним тысяч долларов за квадратный метр, то будут строиться новые жилые комплексы, еще более дорогие и навороченные, будут появляться спекулянты, греющие на этом руки, будут сноситься старые кварталы и строиться новые дома. И в конце концов город поглотит область. Иначе невозможно. Спрос всегда рождает предложение, – закончил Золотарев. – Знаете, сколько я сейчас «стою»? Больше двадцати миллионов. Удивлены?

– Нет. Я видел вашу модель телефона. Да и проживание

в этом отеле стоит недешево. А костюм на вас тоже очень дорогой. Это не «Бриони», а...

– «Зилли», – победно сказал Золотарев, – теперь я могу позволить себе любые траты.

Он взглянул на бутылку водки. Дронго перехватил его взгляд и покачал головой. Золотарев понимающе кивнул.

– И вот теперь я решил, что мне все дозволено, – негромко сказал он, – и допустил, кажется, самую главную ошибку в своей жизни.

Глава 2

Золотарев молчал. Долго молчал. Дронго понимал, что в такой ситуации лучше не задавать вопросов. И вообще не торопить собеседника. Очевидно, что у того назрела насущная необходимость высказаться. На исповедь часто идут не за советом, а за возможность быть услышанным. И многие чувствуют себя гораздо лучше после такого внутреннего очищения.

– Я позволил себе абсолютно невозможную, безобразную, дикую выходку, о которой уже два дня очень сожалею, – признался Золотарев.

Резко протянув руку к бутылке водки, он снова налил себе рюмку и залпом выпил.

– Черт бы их всех побрал, – пробормотал он, – всех этих иностранцев. Приносят такие маленькие рюмки. Лучше бы я попросил его принести стакан.

– Он бы вас не понял, – мягко заметил Дронго, – здесь не принято пить водку таким образом.

– Да, наверно. В общем, я повел себя глупо и пошло. Если можно так назвать. Дело в том, что мы приехали сюда не одни. Вместе с нами на отдых в Испанию прибыли мой компаньон Павел Солицын со своей молодой супругой Инной и моя дочь Лиза со своим мужем Ираклием. У него отец грузин, а мама осетинка. Сначала все было нормально. Мы сня-

ли здесь три больших сюита и решили через несколько дней отправиться на яхте вдоль побережья Испании. Яхту мы уже заказали.

Он отвернулся. Сжал кулаки. Потом решительно повернулся к Дронго.

– Я рассказываю не о том. Разные глупости. Какое значение имеет эта яхта и вообще наш отдых? Никак не могу решиться... В общем, ситуация была такая. У Павла это уже третья супруга. Мы знакомы уже лет десять. Первую его жену, от которой у него взрослый сын, я даже не видел. Ему уже сорок девять, он старше меня на четыре года. Вторую супругу я знал. Она работала в его офисе еще до того, как мы стали компаньонами. Серьезная, довольно спокойная женщина. Ольга была старше Павла на полтора года. Детей у них не было. Восемь лет назад она погибла. Какое-то непонятное замыкание у них на даче. Потом говорили, что виноват был электрик. Не обесточил провод или что-то в этом роде. Мокрый кабель, пошел дождь. Такая глупая смерть.

Через несколько лет Павел женился. Скажу откровенно, он никогда не был ангелом в смысле женщин. Изменял своей второй супруге, это я точно знаю. Мы с ним вместе «по девочкам» ходили. А когда он холостой стал, словно с цепи сорвался. Ну и я тоже старался не отставать. Знаете, когда у мужчины после сорока есть деньги и возможности, он должен ими пользоваться. Самый лучший период. Потом будет поздно. Ну, мы и пользовались. Однажды забрали с со-

бой четырех дамочек в Прагу и там оттянулись по полной программе. Все время менялись парами. Варьировали, так сказать, состав. Может, тогда все и началось. Не знаю. Сейчас даже думать об этом неприятно. Павел женился через пять лет на своей секретарше. Очень симпатичная, смазливая, умелая девочка двадцати пяти лет. Нет, сейчас ей уже двадцать восемь. Она всегда мне нравилась. Высокого роста, с модельной внешностью, смазливая блондинка, словно сошедшая со страниц модных глянцевого журналов. Инна наполовину украинка, а наполовину молдаванка. Такая интересная смесь. Зеленые глаза, длинные ноги, развитая грудь... Черт, я опять говорю не о том. В общем, она работала у Павла. И, учитывая его характер, они довольно тесно общались. Вы меня понимаете? Она ему ни в чем не отказывала. Была не только его секретарем, но и своеобразным другом, который всегда был рядом.

Постепенно она стала ему просто незаменимым помощником. Оставалась у него ночевать, готовила ему костюмы, рубашки, чистила обувь, следила за его огромной квартирой. За дачей. Даже за его взрослым сыном. Так они прожили год или два. Сначала у нее был друг, с которым она встречалась. И не делала из этого особой тайны. Он был какой-то футболист, кажется, выступающий за московскую команду. Знаете, сколько сейчас получают футболисты. Это раньше мы относились к ним с пренебрежением: спортсмен, футболист, кому он нужен. А сейчас они все миллионеры. Зарплату им

платят невероятную, а играть по-настоящему они так и не научились. Но это не мое дело. Она встречалась со своим футболистом, но никогда не отказывала и Павлу. В общем, такая ситуация Павла устраивала. Но потом футболист что-то у себя повредил. Колено сломал или что-то в этом роде. И на его карьере пришлось поставить жирный крест. Инна сразу сообразила, что с футболистом пора завязывать. Она вообще очень сообразительная девочка, все мгновенно понимает. И она сразу прервала с ним всякие отношения. Ну действительно, кому нужен футболист с раздробленным коленом? Какие деньги он может зарабатывать, если не умеет больше ничего делать? Только бегать и бить по мячу. Тогда Инна стала незаметно сближаться с Павлом. И три года назад он сделал ей предложение.

Мы все гуляли на свадьбе, хотя она была только на два года старше его сына. Очень красивая женщина. В тот день на свадьбе она вообще выглядела потрясающе. И после свадьбы тоже. Есть такие женщины, которые умеют пользоваться макияжем, косметикой, одеждой в полной мере. Этому нельзя научить. Это должно быть заложено природой. В Инне это заложено. Она сразу и решительно начала отсекаать возможных конкуренток. Мне однажды Павел рассказал такую историю. Он по-прежнему брал себе в секретари девочек из модельных агентств. И платил им очень хорошую зарплату. Но ведь Инна уже знала, чем именно он занимается со своими помощницами, когда запирается изнутри. И однажды за-

стучала его с новой секретаршей. Устроила скандал и потребовала ее уволить. Павлу пришлось подчиниться, но он потом все равно несколько месяцев встречался со своей бывшей сотрудницей и даже купил ей машину.

Мы с Павлом были не просто близки, а очень близки. Вместе гуляли, вместе отдыхали. Откуда мне было знать, что ему всегда нравилась Алиса. Я имею в виду мою жену. Может, она отчасти напоминала ему Ольгу. Уверенная в себе, сильная, холодная. Но все началось еще полтора месяца назад. Мы с ним были на даче у одного из наших знакомых, и нас познакомили с двумя очень симпатичными девочками. Обеим было чуть больше двадцати. Мы неплохо провели время. Все время менялись парами. Было так здорово. Когда девочки уехали, мы остались одни. Много выпили, сильно погуляли. Рядом никого не было. Только мы двое. Вы уже поняли, что мы стали к этому времени почти как родственники. Никаких секретов друг от друга не было. Не знаю, кто первым начал говорить о свингерах. Вы знаете, что такое «свингеры»?

– Знаю, – сдержанно ответил Дронго, – слово, похожее на «свиньи». Только с другим оттенком.

– Вы тоже осуждаете, – вздохнул Золотарев, – а я вас серьезно спрашиваю. Словом, начали говорить. И вдруг Павел мне признается, что в прошлом году был вместе с Инной в таком клубе в Бостоне. Я чуть с дивана не упал. Представляете? Он, оказывается, решился отправиться туда вместе со

своей молодой женой. Такой смельчак.

– И вы поменялись парами? – не поверил я своему компаньону.

– «Там была одна молодая пара, – весело сообщил Павел, – мужчина, похожий на атлета, и женщина, которую можно было снимать в „Плейбое“. Я думаю, они были не супруги, типичная подставка для таких наивных дурачков, как мы. Но мы тогда поверили. Немного коктейля, немного травки. Нас завело. Да еще такая пара... И я тебе скажу, это было грандиозно. Просто великолепно. И он, и она. Они вели себя очень сдержанно, выполняли все наши желания. Мы получили большое удовольствие. Ничего лучшего в жизни я не испытывал», – признался мне Павел.

Я ему даже не поверил. Как такое возможно? Пойти в клуб и обменять свою жену на другую женщину. Другую женщину всегда приятно иметь рядом, но смотреть, как спят с твоей собственной супругой... Это было для меня просто дико. С другой стороны, я подумал, что все правильно. Инна была человеком не робкого десятка, все верно понимающим. Почему бы не попробовать такой эксперимент? Вот она и согласилась.

Он мне все рассказал, и я почувствовал какой-то озноб, легкий трепет. Мне впервые пришло в голову, что я могу получить Инну к себе в постель. Честное слово, это было первое, что я подумал. Первое и самое главное. Мы, мужчины, все-таки свиньи, вы правы. Настоящие свиньи. В первую

очередь думаем об удовлетворении своих потребностей. Любого нормального мужика спросите, что ему нужно, когда у него есть большие деньги? И он сразу ответит, что женщины. Возможность иметь много женщин. Одно из основных удовольствий любого мужчины.

И только потом я подумал, что это невозможно, невысказано. Нужно будет обмениваться с Павлом женами. Я даже вскопчил от ужаса. Как такое можно рассказать Алисе, она меня убьет. Но, с другой стороны... Инна вызывала у меня такие дикие желания. И неожиданно Павел говорит:

– А если нам повторить такой опыт в Испании, когда мы туда поедem...

Я думал, что встану и дам ему по морде. Но вместо этого лежал на диване и глупо улыбался. Представлял Инну в своих объятиях. Только не говорите, что мы подонки. Свингерство – это часть культуры, пусть даже массовой и не очень привлекательной. Но это сложившийся феномен человеческих отношений. Во многих развитых странах.

– Не уверен, что это и есть определяющий индекс развития, – мрачно заметил Дронго.

– Может быть. Но сейчас уже двадцать первый век. Другие отношения, другая эстетика, другая мораль...

– Мы можем с вами поспорить, но я не хочу вас перебивать...

– Да, верно. Я понял, что мне нужно поговорить с Алисой. Павел был согласен, у Инны уже был подобный опыт.

А я просто очень хотел таких необычных отношений. Оставалось убедить Алису. Но здесь я должен вам сказать, что не все было так просто. Может быть, в глубине моего сознания сидел тот самый мерзавец, с которым она встречалась, когда мы жили отдельно. Может быть, все эти годы он сидел во мне, как больная заноза, которую невозможно было вытащить. Мы все не ангелы. Многие изменяют друг другу. Но стараются делать это в рамках некоторых приличий, друг друга не травмируя. А тогда я увидел лицо этого подонка. Понимаете, когда мы женились, она была девственницей. Ничего не умела, ничего не знала. Я тоже был не очень сведущ в этой области, мне было только двадцать три, но все-таки имел какой-то опыт. И всему научил ее именно я. Наверно, прекрасно осознание того факта, что берешь девушку девственницей и становишься ее первым и единственным мужчиной. У нас так не получилось. Я был первым, но не единственным. И самое неприятное, что я видел глаза этого человека. Видел его шкодливую физиономию. Нетрудно было представить извращенные фантазии этого типа, его запросы, его интеллект. Иногда я срывался и спрашивал Алису, как именно они проводили время. Она замыкалась в себе, никогда мне не отвечала, но я ведь знал, что она встречалась с ним несколько месяцев.

И это чувство постоянно во мне сидело. Я подумал, что смогу раз и навсегда избавиться от этих комплексов, если однажды увижу ее со стороны. Увижу с другим человеком и

наконец успокоюсь. Наверно, я говорю сумбурно, непонятно. Но если бы не тот мерзавец, я бы никогда не согласился на свингерство, на такой обмен. Остался бы единственным мужчиной для нее на всю жизнь. Но я был не единственный и поэтому подумал, что мы сможем решиться на такой эксперимент. К тому же Павел всегда нравился Алисе, она мне об этом сама говорила. Ей не очень нравилась Инна, но это уже дело вкуса. Понятно, ей было сорок три, а Инне только двадцать восемь. И молодая женщина вызывала у Алисы не всегда добрые чувства. К тому же она дружила со второй супругой Павла.

Я начал разговор издалека. Стал говорить о проблемах «среднего возраста», начал шутить на эти темы, а потом повез ее на несколько дней в Таиланд, где мы пошли на «театральное представление», в котором занимались сексом у вас на глазах нанятые стриптизеры. И я заметил, что Алисе это понравилось. Она была взволнована, вцепилась в меня ногтями, ей понравилось, как работал местный парень. Она потом меня часто спрашивала, они на самом деле занимались сексом или это была имитация? А я все время незаметно переводил разговор на Павла, говорил, что знаю, как отлично он занимается сексом, какой он нежный и внимательный в постели. Через несколько дней она впервые мне сказала, что я хвалю Павла как своего преемника. Мы тогда рассмеялись. А еще через несколько дней я снова вспомнил о Павле. И тогда она неожиданно мне сказала, что однажды захочет по-

пробовать с моим напарником, если я буду его так хвалить. Этого было достаточно. Я заговорил о том, как интересно заниматься свингерством, какое это доверие, как это здорово, какой сексуальный опыт мы получаем. Она слушала меня молча, она вообще предпочитает много не говорить. А когда я закончил, она прямо спросила:

– Ты хочешь спать с Инной? Тебе этого не хватает? И поэтому ты хочешь предложить меня Павлу? Но только учти, что это неравноценный обмен. Ей двадцать восемь, а мне сорок три. Он может не согласиться...

Вот так прямо и сказала. Уже тогда мне нужно было задуматься, отказаться. Но я уже не мог остановиться. При одной мысли, что я могу получить Инну, я начинал заводиться. Про наши отношения с Алисой я тогда думал меньше. Или думал иначе, не так, как было нужно. Я начал отшучиваться. Потом признался, что Павел просто мечтает о таком варианте. На этом мы закончили наш разговор. Перед поездкой сюда мы решили, что дочь приедет к нам только через два дня, у Ираклия были какие-то проблемы с визой. Мы приехали в этот отель двумя парами и в первый вечер отправились в ресторан, где изрядно перебрали. Но пока не позволяли себе ничего лишнего. Однако я помню, что ночью сказал Алисе о возможной встрече.

– Ты только подумай, – сказал я ей, – тебе уже сорок три. Через год или два наступит климакс. И ты уйдешь из этой жизни, никогда не испытав ничего подобного. Это так глу-

по...

Она снова молчала. Если бы она возражала или хотя бы меня прервала, я бы замолк. Но она молчала. На следующий день мы вместе купались в бассейне. Я впервые заметил, с каким интересом Павел смотрит на Алису. Она сохранила фигуру, держала себя в форме. А я любовался Инной. Ее загорелым, крепким телом. Вокруг отдыхали иностранцы, в основном немцы. Вы же знаете, как они отдыхают. У них вообще нет никаких сдерживающих центров. Загорают без бюстгальтеров, купаются все вместе. Вы можете представить, чтобы такое было у нас? Две пары соседней купаются голышом в сауне.

– У каждого народа своя культура, – заметил Дронго, – но при этом не все немцы занимаются свингерством. Они просто считают, что не нужно делать культ из голого тела.

– Они другие, – упрямо возразил Золотарев, – и мы совсем другие. Мы лежали и смотрели на немцев. Все женщины были без бюстгальтеров, одной было лет сто, не меньше. Она наверняка помнила еще Первую мировую войну, но тоже сняла свой лифчик. Хотя зрелище это было малоприятное. В какой-то момент Инна взглянула на них и вдруг быстро сняла свой бюстгальтер, оставила его на лежаке. Мы не успели даже ничего сообразить, как она уже прыгнула в бассейн. Вокруг нас все загорали таким образом, но ее поступок меня поразил. Я увидел, как изменилась в лице Алиса. Она колебалась несколько секунд, затем оглянулась. Если чест-

но, то почти все женщины были без «верха». Даже эта столетняя немка. Это тоже атрибут европейской цивилизации. Сейчас так отдыхают и не видят в этом ничего постыдного. Алиса подняла руку и сорвала с себя свой бюстгальтер. По моему, Инна даже вскрикнула. Она испугалась. Одно дело демонстрировать свои груди никогда не рожавшей женщины в двадцать восемь. И совсем другое решиться на такое в сорок три. Но Алиса поднялась и пошла в бассейн. Нужно было видеть лицо Павла. Да и мое выражение в этот момент трудно было назвать бесстрастным. Потом все было легче. Мы вместе пили пиво, и женщины сидели рядом. А потом мы все поднялись наверх.

Мы поднялись в сюит к Павлу. Нужно отдать должное Инне, она сразу разделась, как будто занималась этим всю жизнь. Мы с Павлом тоже разделись. Алиса отвернулась, чтобы не смотреть на нас, прошла в ванную комнату. Она не могла раздеться при всех. Довольно долго ее не было, мы уже испытывали некоторую неловкость. Инна сидела рядом, но я не решался до нее дотронуться, пока не появится Алиса. Молчание становилось просто невыносимым. Ожидание затягивалось. Мы с Павлом чувствовали себя, как два голых болвана. Я уже подумал, что нужно все прекратить, одеться и уйти. Позвал Алису, она не ответила. Опять позвал. Она снова не ответила. Но дверь открыла. И наконец вышла к нам. Раздетая. Собрала волосы и вышла на одних шпильках. Это как-то удлиняет ногу и делает фигуру еще более соблаз-

нительной. Честное слово, в этот момент она выглядела лучше Инны. Поверьте мне, что это правда. Не знаю почему, но лучше. И тогда я протянул руку к Инне...

Вот здесь, собственно, все и началось. Мы были вместе в одной комнате. У меня не было никаких проблем. Инна мне всегда нравилась. Да и она была не из робкого десятка. Мы занялись сексом, искоса поглядывая на другую пару. Вернее, поглядывал я, а Инна даже не смотрела в их сторону. Я видел, как Павел смущается, как нервничает Алиса. Видел их неловкие движения, их ватные конечности. Видел, как им неловко и плохо. И они оба смотрели в нашу сторону. В общем, не вдаваясь в подробности, я вам честно скажу, что у меня все получилось. Еще как получилось. А у них ничего не вышло. Ни у Павла, который впервые в жизни вел себя скованно и зажато, ни у Алисы, которая была просто не похожа сама на себя. Ничего не получилось. Мы уже «кувыркались» с Инной, а они, отдалившись друг от друга, старались даже не смотреть в сторону своего партнера. Они просто ждали, когда мы закончим. Инна отправилась в ванную, Алиса надела халат и пошла в наш номер. Мы остались с Павлом вдвоем. Сначала долго молчали, слушали, как моется Инна, потом неожиданно Павел сказал:

– Сволочь ты, Петя. Настоящая сволочь...

– Почему?

– По кочану, – отрезал он, – можно подумать, сам не видел. У тебя такая жена, а ты себя ведешь как паскудник.

– Это была твоя идея, – разозлился я.

– Ну и что? А ты почему согласился? И еще ее уговорил. С Инной все понятно. Как была секретуткой, так ею и осталась. Хоть замужем, хоть нет. А вы с Алисой женаты уже столько лет. Как ты мог?

– И ты меня еще смеешь укорять? – Я чуть не перешел на крик.

Павел не знал, что однажды мы разошлись и несколько лет прожили раздельно. Он ничего не знал о наших прежних отношениях, но он был прав. И я понимал, что он прав. К тому же у него впервые ничего не получилось. Вообще ничего. Когда мужчине сорок девять, он может сойти с ума именно из-за этого. У меня получилось с его женой, а у него ничего не вышло с моей. Хотя разница у нас только четыре года. Можете себе представить, как он на меня смотрел. Я не знаю, почему у него не получилось. Может, он перенервничал, пока Алиса не выходила из ванной, может, просто боялся сравнения не в свою пользу. Только у него ничего не вышло, это я знал точно. И он знал, что я знаю.

– Ты сам во всем виноват, – крикнул я ему, – если у тебя ничего не выходит, то при чем тут я?! Или Алиса?

Вот этих слов он не смог мне простить. Я мог говорить все, что угодно, но, когда я намекнул на его мужскую несостоятельность, он просто взбесился. Сейчас я думаю, что тогда был неправ. Не нужно было ему так говорить. Мы все были не в лучшем состоянии после случившегося. Все-та-

ки такая встреча очень сильный удар по нервам и самолюбию. Особенно когда у тебя ничего не выходит, а у твоего друга получается. Можно просто сойти с ума от бешенства. Не знаю, как бы я вел себя на его месте, если бы все было наоборот. Он бы получал удовольствие с Алисой, а я бы сидел голым импотентом с его женой. Наверно, я бы просто выбросился из окна. Павел услышал мои слова и кинулся на меня. Когда Инна вышла из ванной, мы катались по полу. Она изумленно смотрела на нас. Видимо, поняла наши проблемы. Мы вели себя как глупые дети. Хотя дети наверняка не занимаются подобными экспериментами. Мы отпустили друг друга, тяжело дыша. Потом я поднялся и тихо ушел. К ужину мы не спустились. Позже я узнал, что они тоже не выходили из номера. За завтраком мы с Павлом хмуро кивнули друг другу. Перекинулись несколькими словами. И я увидел его лицо. Словно с него сняли маску. Я неожиданно понял, что он всегда меня ненавидел. Все эти годы он меня ненавидел. А теперь просто готов был меня разорвать.

Я сразу все вспомнил. И как он себя обычно вел. И как часто подставлял меня по мелочам. И как просил своих женщин кричать во время наших совместных встреч. Он ненавидел меня за то, что у меня лучше получалось с женщинами. За то, что они скорее соглашались встречаться со мной, чем с ним. Однажды у нас даже возник спор. Мы привычно решили поменяться своими женщинами, когда особа, которая была у меня, вдруг отказалась идти к нему в комнату.

Нужно было видеть, как он психовал. Он даже ее ударил. И я все это вспомнил. И понял самое главное. Он никогда не простит мне этого унижения, этого позора, который он пережил, когда у него ничего не получилось. А у меня все получилось.

Золотарев с каким-то ожесточением махнул рукой и отвернулся. Немного помолчал и продолжал:

– Ни Алисы, ни Инны за завтраком не было. А днем прилетела Лиза со своим мужем. Я подумал, что так будет лучше, это несколько разрядит обстановку. Но Алиса вот уже двое суток не сказала мне ни слова. Ни одного слова. Закрывает дверь спальни и выгоняет меня спать на диван. И поэтому сейчас я сижу в этом чертовом ресторане и пью водку, понимая, как глупо и пошло я поступил. Решил показать себя победителем, устроить эксперимент из собственной семейной жизни. И получил по полной программе. Ненависть жены и компаньона одновременно. Днем я видел Инну. Она ходила по магазинам со счастливым выражением лица. И видел Павла. Я, конечно, потерял своего компаньона. У него такое лицо, словно он хочет меня убить. Не могу понять, за что. Он пытался спать с моей женой, у него ничего не получилось, и он же меня в этом обвиняет. Такая несуразица. Но я видел его лицо. Может, поэтому я вам все это говорю. Сейчас я думаю, что его вторая супруга могла умереть не совсем так, как нам тогда рассказали. Может, электрик не случайно оставил этот провод. И вообще, произошла не случайная

трагедия, а умышленное убийство. Я уже не знаю, что подумать. Не знаю, как мне быть. Алиса не хочет меня даже видеть, Павел со мной не разговаривает. Вот так завершился мой idiotский эксперимент.

Золотарев тяжело вздохнул, тряхнул головой и снова потянулся к бутылке. Дронго перехватил его руку.

– Хватит, – сказал он жестко, – вы уже с трудом сидите. Еще немного, и вы свалитесь. Вы свою норму уже выпили. Я думаю, нам лучше подняться наверх, в ваш номер.

– Нет, – решительно возразил Золотарев, – нет. К себе я не пойду. Там Алиса. И еще Лиза приехала. Она, наверно, с матерью сидит. Не хочу я туда идти...

– Как это не хочу? А куда вы пойдете в таком состоянии?

– В ваш номер, – предложил Золотарев.

– У меня обычный одноместный номер. Хотя кровать большая, но боюсь, что я не горю желанием разделить с вами это ложе. Что остается делать?

– Не знаю, – вздохнул Золотарев.

– В таком случае пойдете и снимем для вас одноместный номер, – предложил Дронго, – где вы сможете поспать не на диване. Кредитные карточки у вас с собой?

– Да, конечно. Вы хороший человек. Но вы мне ничего не сказали. Как мне быть? Что мне делать?

– Не знаю. Я не даю советов в подобных вопросах, – ответил Дронго, помогая Золотареву подняться. – Идемте к портье. Попросим одноместный номер.

Золотарев сделал движение рукой и задел бутылку, которая упала на пол и покатилась. Все официанты и немногочисленные клиенты ресторана повернулись в их сторону.

– Идемте, – разозлился Дронго, – мы привлекаем внимание окружающих.

Они вышли из ресторана, прошли через большой холл к стойке портье, находящейся слева от входа. За стойкой находился молодой человек лет тридцати. Среднего роста, с волнистыми, курчавыми волосами, влажными темными глазами. Дронго коротко объяснил молодому человеку, что его друг сильно выпил и не может в таком виде появиться перед своей семьей. Он просит предоставить ему одноместный номер где-нибудь рядом.

– Расходы отнесите на его счет, – предложил Дронго.

– Мы не имеем права без согласия самого сеньора, – сказал портье, – но он в таком состоянии... Может, вы дадите нам его кредитную карточку?

– Сейчас дам. – Дронго повернулся к Золотареву и попросил у него кредитную карточку. Тот попытался достать бумажник, но он упал на стойку перед портье. Бумажник был набит золотыми карточками и пачкой евро. Дронго немного подумал и достал одну из золотых карточек.

– Простите, сеньор, – торопливо произнес портье, – но мне кажется, что ваш друг в таком состоянии, когда нельзя пользоваться его кредитной карточкой. Он не вполне... простите меня, дееспособен. Я совсем не уверен, что будет

правильно, если мы воспользуемся ею именно сейчас. Он не сможет расписаться.

– Правильно. Не будем больше копаться в его карманах, – Дронго взглянул на табличку с фамилией портье, – сделаем иначе, сеньор Эрнандес. Вот моя кредитка. Как гарантия оплаты. И я сам распишусь. Дайте мне его ключ.

– Пожалуйста. Я оформлю номер на одну ночь на ваше имя. Четырнадцатый этаж, – любезно сообщил портье.

Дронго взял магнитную карточку-ключ и, повернувшись, поднял уже сползавшего на пол Петра Золотарева.

– Идемте быстрее, – предложил Дронго, отдавая ему бумажник. Золотарев с трудом запихнул бумажник обратно к себе в карман.

Дронго пришлось почти тащить на себе своего выпившего собеседника, которого окончательно развезло. Он втолкнул Золотарева в кабину лифта. Здесь были прозрачные кабины лифта, которые можно было увидеть из холла. Они поднялись на четырнадцатый этаж. Дронго нашел нужную дверь, довел туда Золотарева и втолкнул его в номер. Несчастный сделал несколько шагов и упал на кровать. Дронго наклонился, снял обувь у лежавшего на постели, приподнял его, стаскивая пиджак. Что-то упало на пол. Разозлившись, Дронго ощупал стол, включил лампу, посмотрел на пол. Здесь ничего нет. Он положил карточку-ключ в карман, наклонился, чтобы найти упавшую вещь. Ничего не нашел. Это разозлило его еще больше. Он поднялся, стараясь успокоиться. В кон-

це концов, завтра можно будет найти упавшую вещь, сказав об этом Золотареву. Ему не хотелось долго оставаться в этом номере. Повесив пиджак на стул, Дронго посмотрел на засыпающего Золотарева. Достав из кармана карточку-ключ от номера, он оставил ее на столике, потушил свет и вышел из номера, закрыв за собой дверь. Повесил на замок табличку «не беспокоить» и отправился к лифту.

Дронго спустился на двенадцатый этаж, подошел к своей двери и достал ключ из кармана. Он вставил карточку, пытаясь открыть дверь. Карточка не сработала. Он попытался во второй раз. Опять не работала. Дронго чертыхнулся. Сегодня все было против него. Он вернулся к кабине лифта, спустился на первый этаж, прошел к стойке портье. Эрнандес беседовал с каким-то пожилым индусом. Рядом стояла молодая девушка.

– У меня не работает ключ от номера, – пожаловался Дронго.

– Сейчас дадим новый. Какой у вас номер? – улыбнулась дежурная и уже через несколько секунд выдала ему новый ключ.

Он забрал новую карточку, поблагодарил девушку и вернулся в свой номер. Через полчаса он уже спал. Он даже не мог предположить, что сегодня вечером увидел Петра Золотарева последний раз в жизни. И завтра его собеседник будет уже мертв.

Глава 3

Утром к нему постучали. Дронго поморщился. Он повесил табличку, чтобы его не беспокоили. Хотя иногда подобные таблички не очень помогали. Обычные уловки всех горничных во всех отелях мира, которые хотят пораньше закончить уборку всех номеров и не ждать до полудня, пока гость проснется. Если нет таблички, то они нарочно гремят ключами, тарелками, тележками, чтобы разбудить гостя. Кричат, громко разговаривают, смеются. А может, не только поэтому, но и из-за явного недостатка общей культуры. В конце концов, кого нанимают горничными? Совсем не обязательно, чтобы у них было оксфордское образование или хорошее воспитание. В некоторых отелях уже перешли от горничных-женщин к уборщикам-мужчинам, которые заправляют постели, выносят мусор, убирают комнаты. Они обходятся даже дешевле обычных сотрудниц, эти готовые на все пакистанцы, индусы, африканцы, азиаты, латиноамериканцы.

Но когда висит табличка, все стараются соблюдать некое подобие тишины. И тем более никто не посмеет постучать в дверь. Но в дверь стучали и звонили. Все настойчивее и громче. Дронго поднялся, чертыхнулся, набросил банный халат и подошел к двери, открыл ее. На пороге стояло несколько мужчин вместе со вчерашним портье. Уви-

дев Дронго, он утвердительно кивнул головой, показывая на него стоявшему рядом мужчине. Тому было лет пятьдесят. Располневший широкоплечий мужчина с грубыми чертами лица, мясистыми щеками и узкими, словно пулеметные гнезда, щелочками глаз. На голове у него была большая широкополая шляпа, на нем был серый мешковатый костюм. Он недовольно смотрел на Дронго.

– Доброе утро, сеньоры, – мрачно поздоровался Дронго, – что случилось? Почему вы решили меня разбудить?

– Простите, сеньор, – ответил ему на английском портье Эрнандес, – вы говорите по-испански?

– Нет. Но многое понимаю. Я знаю итальянский, и мне несложно понимать ваш язык, когда вы говорите медленно и четко.

– Это комиссар Мануэль Морено. Он из уголовной полиции. Хочет с вами побеседовать.

– Очень приятно, сеньор комиссар, – кивнул ему Дронго. – Но почему так рано? Сейчас только половина десятого. Может, мы поговорим после завтрака?

– Давайте поговорим на итальянском, – предложил комиссар. – Спускайтесь вниз в комнату администрации. С левой стороны от кабины лифтов. В глубине холла. Я вас буду там ждать.

– Конечно, спущусь. Вы можете объяснить, что произошло?

– Когда спуститесь, тогда и узнаете, – недовольно провор-

чал комиссар, – мой сотрудник будет ждать вас в коридоре.

Он повернулся и ушел. Портье поспешил за ним. Офицер полиции остался стоять в коридоре, выразительно глядя на Дронго, словно подозревая, что тот сейчас откроет окно и сбежит. Дронго громко чертыхнулся и закрыл дверь, отправился в ванную комнату, чтобы побриться и принять душ. Через пятнадцать минут он был уже готов и, выйдя из номера, обнаружил стоявшего за дверью полицейского.

«Это уже серьезно», – подумал Дронго, спускаясь со своим провожатым на первый этаж.

Они прошли в комнату генерального менеджера. В приемной толпилось несколько человек, среди которых выделялся молодой мужчина лет тридцати. У него была запоминающаяся яркая внешность. Крупные черты лица, большие черные глаза, волнистые волосы. Он мрачно посмотрел на Дронго и отвернулся. Дронго вошел в кабинет, где находился комиссар и еще двое людей в штатском.

Комиссар показал на стул в центре комнаты.

– Где вы были вчера вечером? – сразу спросил Морено.

– Хороший вопрос, – усмехнулся Дронго. – Вчера вечером я был здесь, в отеле. И ужинал в ресторане. Можно опросить официантов, они подтвердят. И еще я подписал чек, где указана стоимость моего ужина и время, когда я его закончил. В этом отеле все автоматизировано, достаточно взять распечатки моих счетов. Для этого не обязательно было будить меня так рано.

– Вы ужинали с кем-то или были один?

– Конечно, один. Я ни с кем не ужинал.

Комиссар и двое незнакомцев переглянулись.

– Свидетели утверждают, что вы были не один, – грозно произнес он, – они видели, как вы ужинали вдвоем. К вам подсел еще один гость из России.

– Вы противоречите сами себе, сеньор комиссар, – разве селился Дронго. – Я говорю, что ужинал один. Вы невольно подтверждаете мои слова, утверждая, что ко мне подсел еще один гость. И все это видели. Вот это правда. Когда я уже заканчивал ужинать, ко мне действительно подсел один из гостей отеля. Он увидел, как я читаю газеты на русском языке, и решил со мной поговорить. Поэтому я сказал вам правду. Ужинал я в одиночестве. А после ужина ко мне подсел сеньор Золотарев.

– Вы встречали его раньше?

– Один раз встречал. Пять лет назад. Но тогда у него была совсем иная внешность. Бородка, усы. Я его не узнал. А он мне напомнил, что мы встречались у знакомого режиссера. Но с тех пор я его не видел. И даже имени его не запомнил. А почему вы спрашиваете о нем?

Комиссар снова переглянулся с незнакомцами. И, поднявшись со стула, подошел к Дронго.

– Дело в том, что сегодня утром его нашли мертвым в своем номере. В том самом номере, который вы сняли для него, пользуясь своей кредитной карточкой. И в который вы во-

шли вместе с ним. После чего он остался в номере, а вы поднялись к себе. И утром, в половине девятого, его обнаружили мертвым. Теперь вы понимаете, почему мы разбудили именно вас?

– Золотарев умер? – переспросил Дронго.

– Нет, не умер, – ответил комиссар, – а его убили. Ему явно помогли уйти на тот свет.

– Как его убили?

– Ударили лампой, – пояснил комиссар, – видимо, попали в висок. Он лежал на полу, лампа валялась рядом. Сейчас снимаем отпечатки пальцев. На лампе могут быть ваши отпечатки?

– Да, – ответил Дронго, – я включал свет, когда мы вошли. Он был в таком состоянии, что мог упасть, а когда я помогал ему снять пиджак, что-то упало из его кармана. И я включил свет. Но ничего не нашел. Тогда я повесил его пиджак на стул, оставил ключ на столе и, потушив свет, вышел из его номера.

– Он был жив в тот момент, когда вы выходили из этого номера? – Комиссар задавал вопросы ровным голосом. Сарказм был ему явно чужд.

– Он спал, – ответил Дронго, – и, насколько я помню, храпел. Я даже повесил на дверях табличку с просьбой не беспокоить гостя. Хотя мои слова ничего не доказывают. У вас же повсюду установлены камеры. Можно посмотреть, кто входил к нему в номер.

– Камеры есть только в коридоре, – возразил комиссар, – их не вешают над каждой входной дверью. А в кабине лифта вы поднимались вместе с ним, это было зафиксировано несколькими свидетелями и камерами наблюдения.

– Прекрасная ситуация, – пробормотал Дронго, – кажется, я впервые оказался в неприятной роли подозреваемого. Надеюсь, вы не собираетесь сразу предъявлять мне обвинения в убийстве только на том основании, что я помог очень сильно выпившему человеку снять номер и отлежаться там, чтобы не появляться в таком виде перед своими близкими.

– Которые тоже живут на четырнадцатом этаже, – заметил комиссар, – вы ведь намеренно попросили номер, который бы находился рядом с сюитами, занимаемыми этими гостями.

– Конечно. Я был уверен, что он проспится и пойдет к себе в сюит. Я поэтому взял ему номер именно на четырнадцатом этаже. В противном случае я бы взял номер на своем этаже.

– И поэтому заплатили за почти незнакомого человека триста евро со своей кредитной карточки? – не поверил комиссар. – Вам не кажется, что это больше напоминает выдуманную историю, чем реальность? К вам в ресторане случайно подсаживается человек, которого вы якобы видели один раз пять лет назад и даже не узнали. Он ужинает с вами, потом между вами случается спор, вы уходите вместе. Подходите к портье и просите номер. Платите своей кредитной карточкой, обратите внимание, за абсолютно неизвестного

вам человека, которого вы даже не помните. Поднимаете его в номер и уходите к себе. И я должен верить в эту легенду?

– Не должны. Только почему вы решили, что мы с ним поспорили в ресторане? Мы как раз мирно беседовали.

– Неправда, – вздохнул комиссар, – сразу трое свидетелей показали, что у вас был напряженный разговор и вы даже уронили бутылку, когда уходили из ресторана.

– Мы уронили ее случайно, он задел рукой и опрокинул на пол бутылку, – вспомнил Дронго.

– Все у вас получается случайно. Случайно встретили человека, которого видели один раз в жизни. Случайно он подсел к вам. Случайно уронили бутылку во время разговора. Случайно выпили. Случайно сняли номер неизвестному на свою кредитную карточку. Случайно оставили отпечатки пальцев на лампе, с помощью которой его убили. Все случайно. А если я теперь случайно попрошу ордер на ваш арест?

Комиссар все-таки умел шутить. Хотя и своеобразно.

– Это будет уже не случайность, а закономерность, – согласился Дронго, – но я не убивал Золотарева. Перед началом допроса вы так торопились, сеньор комиссар, что не спросили меня, чем я занимаюсь. И почему погибший подсел именно ко мне. Теперь я готов вам сообщить. Я эксперт по вопросам преступности. Меня обычно называют Дронго.

Комиссар нахмурился. Один из незнакомцев в штатском даже подскочил на месте. Переглянулся с напарником.

– Вы Дронго? – не поверил он. – Тот самый знаменитый

эксперт, который нашел несколько лет назад маньяка, называемого Ангелом боли?

– Да, – кивнул Дронго, – это я.

– Но этого не может быть, – растерянно произнес неизвестный, очевидно, сотрудник прокуратуры, – вам должно быть тогда лет семьдесят или восемьдесят. Я много про вас слышал.

– Теперь имеете возможность убедиться, что я гораздо моложе, – усмехнулся Дронго. – Но мое имя не является гарантией моего алиби. Я отлично осознаю свое сложное положение. И поэтому сделаю все, чтобы помочь вам найти настоящего убийцу.

– Сеньор Дронго, вы должны отчетливо понимать, что на этот момент я имею только одного подозреваемого, – мрачно произнес комиссар, – и этот человек именно вы. Все видели, как вы поднимались вместе с погибшим в его номер. Камеры зафиксировали, как вы входили в кабину лифта и как выходили из нее. Но самое важное, что все двери в этом отеле связаны с центральным компьютером. И мы легко могли установить, что после того, как вы вышли из номера, их четырежды еще открывали. Четыре раза, сеньор Дронго, дверь в номер погибшего открывалась. Возможно, он сам открывал свою дверь, возможно, это делал кто-то другой, у кого могла быть карточка-ключ от его номера...

– Я оставил ключ на столике рядом с кроватью, – вспомнил Дронго.

– Его там не было, – жестко оборвал его Морено, – и уже этот факт дает мне право сомневаться в вашей искренности, сеньор эксперт. К тому же ваша профессия говорит не в вашу пользу. Вы ведь знаете, какими изощренными способами совершаются подобные преступления, и вполне могли придумать самостоятельный план. Я не хочу вас оскорбить, я всего лишь пытаюсь объяснить вам ваше положение.

– Хуже некуда, – кивнул Дронго, – уже понятно. Вы сообщили родственникам погибшего о случившемся?

– Сообщили, – кивнул Морено.

– Как они реагировали?

– Я не совсем понимаю ваш вопрос. Как можно реагировать на смерть близкого человека?

– Извините меня, комиссар, но я боюсь, что вы меня действительно не поняли. Вы лично сообщали им о смерти Петра Золотарева?

– Нет. Меня тогда здесь не было. Это сделал сеньор Гарригес, – показал комиссар на сотрудника прокуратуры.

– Как именно они реагировали? – спросил Дронго. – Извините меня, сеньор комиссар, но это чрезвычайно важно. Во всяком случае, это поможет нам в установлении истины.

– Не совсем понимаю, каким образом горе родных может помочь нам в расследовании этого убийства, – пробормотал комиссар Морено.

Гарригесу было лет тридцать пять. Высокого роста, нескладный и не разучившийся краснеть. Он немного сму-

тился.

– Я вошел в номер к его супруге и сообщил ей о смерти мужа, – вздохнул он. – Нужно сказать, что она не закричала и не заплакала. А словно окаменела. Потом прибежала ее дочь. Она плакала и обнимала мать. Пришел их зять, сеньор Ираклий. У него такая сложная грузинская фамилия. По-моему, Гоглидзе. Если я правильно выговариваю. Он тоже был расстроен.

– А его друг? В соседнем номере остановился его компаньон. Павел Солицын и его супруга.

– Нет, я их не видел. Возможно, они не знали, что случилось. Но сотрудники полиции все равно их допросят.

– Понятно, – разочарованно сказал Дронго, – но это ваша ошибка, сеньор Гарригес. Нужно было в первую очередь допросить друзей приехавшего бизнесмена.

Морено нахмурился. Тяжело поднялся со своего места.

– Мы проводим расследование так, как считаем нужным, – недовольно заметил он.

– Сеньор комиссар, – остановил его Дронго, – вы напрасно уходите. Мы не закончили наш разговор.

– Что вам еще нужно? Вы действительно хотите, чтобы я предъявил вам обвинение? Вы очень неудачно вчера ввязались в эту историю... И теперь у вас впереди большие неприятности. Я не хочу вас пугать, но вы должны понимать, что сама история выглядит очень дурно. И вы самый главный подозреваемый, кого мы можем сегодня предъявить нашему

правосудию.

– Подождите, комиссар. Я вообще не собирался с ним разговаривать. Это он, увидев, как я читаю газету на русском языке, вспомнил, что мы с ним встречались в Москве, и решил пересечь ко мне. Он был в таком ужасном состоянии, что я не считал возможным его прогнать. И мне пришлось его выслушать. Его последнюю исповедь, комиссар. И поэтому я знаю о нем гораздо больше, чем вы можете себе представить. Вы, наверно, католик. Так вот, можете считать, что он вчера мне исповедовался. Во всех своих грехах, и в самом страшном грехе, который он совершил...

– В каком? – спросил Морено.

– Этого я не могу вам сказать. Поймите, что это не только моя тайна, сеньор комиссар. Она касается и других людей, которые сейчас находятся в отеле. Но именно поэтому я прошу вас разрешить мне принять участие в расследовании этого преступления. Я лучше вас всех понимаю приехавших. Могу с ними беседовать не через переводчика, могу попытаться их понять. И я знаю тайну последних дней жизни погибшего. Поверьте мне, я сделаю все, чтобы найти убийцу.

Комиссар повернулся и посмотрел на Гарригеса. Тот пожал плечами.

– Насколько я слышал, сеньор Дронго самый известный эксперт в мире, сеньор комиссар. На его расследования учат будущих сотрудников прокуратуры и полиции. Его опыт расследования может оказаться неоценимым.

– Даже так, – пробормотал комиссар, – значит, мне на голову свалился такой неожиданный подарок. Самый лучший сыщик Европы оказался у нас в гостях.

– Подождите, комиссар, – вспомнил Дронго, – вы ведь давно работаете в уголовной полиции?

– Уже тридцать с лишним лет, – не без гордости сообщил Морено.

– Превосходно. У вас должны быть связи с вашими французскими коллегами. Может, вы слышали о комиссаре Дезире Брюлее?

– Конечно, слышал, – кивнул Морено, – этот французский комиссар делает честь работе всей полиции объединенной Европы. Он настоящая легенда среди полицейских нашего континента.

– В таком случае позвоните ему и спросите его мнение обо мне, – предложил Дронго, – и если он предложит вам пренебречь моим опытом, то вы отправите меня в мой номер, где я обязуюсь находиться до окончательного выяснения всех вопросов и вашего решения.

– Позвонить самому Дезире Брюлею? – усмехнулся Морено. – А может, Его Величеству Хуану Карлосу Бурбону или нашему премьер-министру?

– Я не шучу. Речь идет о погибшем человеке, – напомнил Дронго.

– Позвоните, – предложил Гарригес, – если этот человек действительно тот самый Дронго, то он найдет убийцу, даже

независимо от нашего расследования.

Комиссар молчал, очевидно, размышляя. И неожиданно улыбнулся.

– Хорошо. Нам все равно нужен переводчик. Никто из наших не владеет русским языком, как этот эксперт. Возможно, он действительно окажется нам полезным. Но учтите, все ваши действия должны строго согласовываться со мной, сеньор Дронго. А если мы ничего не сможем выяснить, то вы мне обещаете рассказать все, что сказал вам погибший вчера вечером?

– Не обещаю, – ответил Дронго. – Поймите, это тайна, затрагивающая честь нескольких семей. И нескольких женщин. О таких вещах не принято говорить, сеньор комиссар. Но я обещаю вам сделать все, чтобы, используя свои знания после вчерашнего разговора и свой опыт предыдущих расследований, найти убийцу.

– Полагаю, это не так сложно, как нам кажется, – быстро вставил Гарригес, понимая, что комиссар почти согласился на участие в расследовании известного эксперта. Гарригесу было интересно понаблюдать за методами работы столь выдающегося мастера. – У нас всего пятеро подозреваемых, – добавил он, – не считая самого сеньора Дронго.

– Почему пятеро? – повернулся к нему Дронго.

– В отеле не было посторонних, – пояснил Морено, – и сюда не мог войти незамеченным обычный грабитель с улицы. Система безопасности отеля одна из лучших в стране.

Значит, к погибшему мог войти кто-то из его знакомых, которым он открыл дверь.

– Он был в таком состоянии, что не смог бы открыть дверь, – возразил Дронго.

– Он ее открыл, – устало заявил Морено, – на центральном компьютере зафиксировано, что в этом номере четырежды открывали дверь после того, как вы ушли. Примерно через два часа Золотарев сам открыл дверь изнутри. Затем дверь открыли еще раз. И тоже изнутри. То есть пришел какой-то неизвестный человек, и сеньор Золотарев открыл ему дверь. Неизвестный нам, но известный погибшему, так как этот человек пробыл у него в номере четырнадцать или пятнадцать минут. Затем этот человек ушел, дверь открыли во второй раз и тоже изнутри, что опять зафиксировал компьютер. Дело в том, что система безопасности в этом отеле позволяет фиксировать наличие внешнего воздействия на замок. И когда кто-то вставляет ключ, открывая дверь снаружи, срабатывает другой код. Еще через час кто-то открыл дверь его карточкой, которая исчезла и которую мы до сих пор не можем найти. Открыл дверь в третий раз. Вы следите за моими рассуждениями? В третий раз дверь открыли снаружи. Неизвестный снова вошел в номер и вышел уже через четыре минуты. Даже не четыре, а три с половиной. На этот раз разговора явно не получилось.

Остается предположить, что этот неизвестный сначала постучался в первый раз, попросив Золотарева открыть ему

дверь. И он был хорошо знаком погибшему, если тот, находясь в столь сложном положении, сумел подняться и открыть дверь. Затем они разговаривают, и этот человек уходит. Но появляется снова, так как у него осталась карточка-ключ, с помощью которой он открывает дверь и входит в номер. Наша бригада экспертов считает, что убийство произошло как раз в те самые три с половиной минуты, когда убийца входил, используя исчезнувшую карточку-ключ, которую вручили именно вам, сеньор Дронго.

– Хорошо, что есть автоматика, – задумчиво произнес Дронго. – Значит, он все-таки сумел подняться и открыть дверь в первый раз. Но я отчетливо помню, что оставил карточку-ключ от его номера на столике рядом с лампой.

– Ее там не было. Сколько ключей вам дал портье?

– Один. Только на одну ночь. И я оставил этот ключ на столике, я это хорошо помню. Хотя вы можете узнать и у самого портье.

– Значит, его забрал убийца, – безжалостно заявил Морено. – Остается узнать, кто именно был в номере погибшего.

В комнату вбежал молодой сотрудник полиции в форме, который быстро что-то сообщил комиссару. Тот кивнул.

– Прислали двух переводчиков. С испанского на русский, – пояснил Морено. – Выходит, что все решено и мы больше не нуждаемся в вашей помощи, сеньор Дронго.

– Разрешите, я проведу параллельное расследование.

– Это запрещено нашими законами. Вы не можете являть-

ся процессуальным лицом в ходе дознания и следствия, сеньор Дронго. Неужели вы этого не понимаете?

– Я не собираюсь оформлять протоколы и вести официальные допросы подозреваемых. Но вы можете разрешить мне поговорить с ними. С учетом последнего разговора, который состоялся у меня с погибшим. Я мог бы уточнить некоторые детали.

Комиссар посмотрел на Гарригеса. Затем на своего помощника. И махнул рукой.

– Можете с ними беседовать. Но учтите, что если кто-то из них пожалуется на вас, то я сразу прекращу эти приватные беседы. Хотя бы потому, что они запрещены нашим законодательством.

– Беседы в Испании запрещены законом? – улыбнулся Дронго.

– Не беседы, а частное следствие, – отрезал Морено, выходя из комнаты.

Гарригес улыбнулся и, подмигнув Дронго, поспешил за ним.

Глава 4

В приемной к ним подошел тот самый высокий мужчина, которого Дронго уже видел. Нетрудно было догадаться, что это был зять погибшего. Ираклий владел английским и немецким, не считая грузинского и русского, но не знал испанского и поэтому обращался к сотрудникам полиции на английском, тогда как почти все офицеры местных спецслужб традиционно говорили на трех языках – каталонском, испанском и французском. Ираклию отвечал прибывший переводчик, который с трудом его успокаивал. Когда он увидел выходявшего комиссара Морено и сотрудников прокуратуры, то прекратил разговоры и, оставив ничего не понимавшего Ираклия, отправился за ними.

– Здравствуйте, – сказал Дронго по-грузински, и изумленный Ираклий обернулся к нему.

– Вы знаете грузинский? Вы грузин? – обрадовался он.

– Нет. Я азербайджанец, хотя бабушка у меня грузинка. Менгрелка. И я немного понимаю грузинский. Но давайте поговорим на русском, – предложил Дронго.

– Давайте, – согласился Ираклий. – Я не могу понять, что здесь происходит. Вы сотрудник испанской полиции?

– Нет. Я частный детектив. Эксперт по вопросам преступности. Меня обычно называют Дронго. Вчера вечером я случайно встретился с вашим погибшим тестем и разговаривал

с ним. Похоже, я был последним человеком, кто разговаривал с ним вчера вечером. Он был в ужасном состоянии...

– Понимаю, – кивнул Ираклий, – я только не понимаю, почему он оказался в чужом номере, когда у нас здесь два сюита. Наш и его. Почему он снял этот одноместный номер?

– Это не он снял, а я, – пояснил Дронго. – Давайте выйдем отсюда в холл, там можно будет спокойно поговорить.

Они вышли в просторный холл, уселись на темных кожаных диванах.

– Зачем вы сняли ему номер? – спросил Ираклий. – Зачем ему этот одноместный номер на нашем этаже? Для чего?

– Мне показалось, что он не хочет возвращаться в свой номер. Время было позднее, и он был очень сильно выпивший.

– Он вчера был сам не свой, – нахмурился Ираклий. – Может, мне лучше вернуться к Лизе? Туда, наверно, пошли комиссар с переводчиком.

– Вас не пустят в комнату, они будут беседовать с вашей супругой и тещей по очереди, – возразил Дронго, – а потом пригласят и вас. Поэтому сидите спокойно, и мы постараемся с вами обсудить то, что вчера произошло в этом отеле. Когда вы узнали о его смерти?

– Утром к нам постучали. Я даже сначала не поверил. Разве могут убить гостя в таком отеле? Потом мы с женой поспешили к моей теще.

– Представляю, как они переживали.

– Ужасная трагедия, – вздохнул Ираклий. – Насколько я понял, ему кто-то проломил голову. Такая ужасная смерть. Он вчера весь день был сам не свой. Мы приехали, и я сразу обратил внимание на его поведение. Он был какой-то мрачный, задумчивый. Обычно он такой веселый, разговорчивый. Это у нас теща молчаливая, из нее слова лишнего не вытянешь. Железная женщина. А он всегда был такой разговорчивый. И неожиданно я узнал его с другой стороны. Какой-то отстраненный, задумчивый, я бы даже сказал, подавленный. Не знаю, почему. Моя жена весь день вчера провела у них. Было такое ощущение, что мы приехали не на отдых, а на похороны. Я все время гадал, что именно случилось. Может, они обиделись на меня за то, что мы поздно приехали. Но у меня возникли проблемы в посольстве. Я ведь не поменял паспорт, он у меня грузинский. Поэтому Лизе сразу дали визу, а меня попросили зайти через два дня. По закону я должен шенгенскую визу получать в своей собственной стране. Но я им попытался объяснить, что уже много лет живу в России и являюсь мужем гражданки России. Поэтому я не могу ездить каждый раз в Грузию, чтобы получить очередную визу. И каждый раз мне из-за этого задерживают выдачу виз.

– Легче получить российское гражданство, – заметил Дронго, – чтобы так не мучиться.

– Что вы говорите, – даже всплеснул руками Ираклий, – отказаться от Родины, от своего паспорта, от своих корней?

Зачем тогда вообще жить на этом свете? Нет, я так не могу. И не хочу. Родится сын, я его тоже запишу на наш паспорт. А вы разве думаете иначе?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – я так не думаю. Но вы сказали, что весь вчерашний день господин Золотарев был сам не свой.

– Верно. Я его таким никогда не видел.

– Вы давно его знаете?

– Уже почти три года. С тех пор, как стал встречаться с его дочерью. Вы знаете, люди разные бывают, некоторые в Москве говорят, что с кавказцами встречаться нельзя. Даже такой подлый опрос проводили. За кого вы замуж хотите. Или кому не хотите сдавать свои квартиры. Больше всего людей не хотели сдавать свои квартиры кавказцам. А вот с замужеством у этих опросчиков пшик получился. Многие девушки мечтают выйти замуж именно за кавказцев. Знают, как мы за семью держимся. Двумя руками.

– Не всегда знают и не всегда принимают.

– Верно. Но Золотарев был не такой. Он все правильно понимал. И разрешал своей дочери самой выбирать, с кем ей дружить и за кого замуж выходить. Вот ее мать была сначала против. Она меня сразу как-то не любила. Все время дочери говорила, что я человек другой культуры. Почему другой? Какой другой? Я вырос на стихах Пушкина и Пастернака, слушал музыку Чайковского и Прокофьева, читал Толстого, Достоевского, Чехова. Почему другой культуры? Мы,

грузины, такие же православные люди, как и русские. Только не обижайтесь на меня. Я еще понимаю, когда говорят про азербайджанцев, они ведь мусульмане, или про армян, у них своя апостольская григорианская церковь. Но мы такие же православные люди, как и русские. Все равно говорят, что другая культура и другие люди.

– Это не только они говорят, – напомнил Дронго, – у вас так говорят гораздо чаще...

– Дураков везде хватает, – согласился Ираклий, – но наша Алиса была сначала против. А потом как-то оттаяла, поняла, что я ее дочь по-настоящему люблю и хочу жениться. А когда Лиза согласилась за меня замуж выйти, я отправился к ее отцу, как полагается по закону. И получил согласие Петра Константиновича. Он только сказал, чтобы я не обижал Лизу и никогда ее не бросал. Я пообещал.

– Сколько вы женаты?

– Уже полтора года.

– Достаточный срок, чтобы иметь представление об этой семье.

– Наверно, достаточный. Только я не совсем понимаю, о чем вы говорите. Нормальная семья. Отец, мать, дочь.

– Никаких странностей не замечали?

– Никогда не замечал. У Лизы, правда, трудный характер, но у кого бывает легкий характер в ее возрасте? Ей только двадцать один, – улыбнулся Ираклий, – наверно, еще переходный возраст не закончился.

– А вам сколько?

– Мне уже тридцать, – вздохнул Ираклий, – можно сказать, ветеран. У нас разница в возрасте девять лет. Вы считаете, много?

– Я никогда не берусь судить посторонние семьи по такому принципу. Иногда не уживаются и одногодки, знакомые друг с другом со школьной скамьи. А иногда прекрасно живут семейные пары, разница в возрасте которых составляет тридцать или сорок лет. В жизни всякое бывает.

– Верно, – согласился Ираклий, – я, как только Лизу увидел, сразу понял, что она будет моей супругой. Хотя трудно было ее добиваться. У молодых свой характер, особенный. А ей тогда было только восемнадцать.

– Я могу задать вам один личный вопрос?

– Смотря какой.

– Почему у вас нет детей? Вы ведь женаты уже полтора года.

– Это как раз нормальный вопрос, – усмехнулся Ираклий. – Лиза считает, что должна закончить университет и только потом рожать. Через год она завершает свое обучение. Мы решили немного подождать.

– Ясно. А какие отношения у вас были с тестем и тещей после свадьбы?

– Самые хорошие. Просто у них разные характеры. Абсолютно разные. Алиса Владимировна очень замкнутый человек, такой интроверт, предпочитает уходить в себя. Не выка-

зывает при людях своих эмоций, впечатлений, чувств. Очень сдержанный и строгий человек. А вот Петр Константинович, напротив, душа компании. Веселый, обаятельный, находчивый собеседник. Был собеседником, – с каким-то внутренним ожесточением добавил Ираклий, – никак не могу с этим смириться. Такая трагедия для нас всех.

– Значит, они были разные люди?

– Иногда я даже удивлялся, как они живут вместе. Со всем непохожие друг на друга. Но говорят, что противоположности иногда сходятся. Я не знаю. Мы с Лизой тоже не совсем похожие люди. Я человек открытый, общительный, веселый. А она всегда очень настороженно относится к людям, не позволяет себе с ними сблизиться. Характером она пошла в свою мать. Но ничего, живем уже полтора года, – улыбнулся Ираклий.

– Вы хорошо знаете семью компаньона вашего тестя Павла Солицына?

– Конечно, знаю. Они ведь напарники, вместе держат свою компанию. И, по-моему, самые лучшие друзья.

– Они тоже прилетели в Барселону?

– Прилетели все вместе. Еще до нас. Солицыны и наши «старики». Хотя какие они старики? На Алису Владимировну до сих пор молодые засматриваются, она так хорошо выглядит в свои сорок три года. Выглядела... А Петр Константинович, эх, что там говорить. Какой человек был, – махнул рукой Ираклий и отвернулся.

– Давайте вернемся к Солицыным, – предложил Дронго. – Значит, они были большие друзья с покойным?

– Вы не верите? – с некоторым презрением спросил Ираклий. – Думаете, если компаньон, значит, обязательно сволочь. Спит и видит, как бы компанию отобрать. Только вы напрасно так думаете, у них действительно были очень добрые и хорошие отношения. Господин Солицын и Петр Константинович были самыми близкими друзьями. Они вместе на рыбалку ездили, на охоту. Даже однажды вместе поехали в Прагу на строительную ярмарку. А потом долго вспоминали, как там было весело.

– Строительную ярмарку? – переспросил Дронго. Он вспомнил, что Золотарев говорил именно о Праге, рассказывая, как они весело проводили там время с компаньоном.

– Да, – кивнул Ираклий, – я же говорю, что они были близкими друзьями.

– Не сомневаюсь, – сказал Дронго. – Вы знали, что у Павла Солицына погибла предыдущая жена?

– Я слышал. Но какое это имеет отношение к сегодняшнему событию? Ее током убило на даче много лет назад. Он потом женился, у него сейчас молодая супруга.

– Примерно вашего возраста. Или даже младше вас.

– Да, – усмехнулся Ираклий, – именно так.

– И как вы ее называете?

– В шутку «тетя Инна». А так по имени, конечно. Она младше меня не намного.

– Вы знали, что она раньше работала секретарем у Павла Солицына?

– Конечно, знаю. Вы меня извините, но я не понимаю ваших вопросов. Какая разница, где она раньше работала, с кем работала, когда вышла замуж за своего шефа. Какое все это имеет отношение к сегодняшней трагедии? Нужно искать убийцу, а вы спрашиваете меня о несущественных вещах. Или вы считаете, что кто-то из нас мог убить Петра Константиновича? Но это полный абсурд. Вы только подумайте, кто здесь был. Его жена, его дочь, зять, его самый близкий друг со своей супругой. И больше никого. Кто из них мог убить Петра Константиновича? Конечно, никто. Я думаю, вас будут подозревать гораздо больше, чем нас. Извините меня за откровенность. Непонятно, почему вы согласились проводить его в чужой номер, помогли ему снять этот номер. Непонятно. Вы не его друг и не родственник. Нужно было проводить его к жене или к дочери. Или вообще оставить в покое. В этом отеле ему бы не разрешили ночевать в ресторане, а довели бы до его апартаментов.

– Все правильно. Но с одним замечанием. А если он не хотел возвращаться к себе в номер?..

– Почему не хотел? Что вы говорите?

– Иногда в жизни бывают такие обстоятельства, которые могут перевернуть все наши представления о прежнем существовании. И не нужно судить так категорично и строго. Возможно, у него были свои причины остаться одному.

– Тогда кто его убил?

– Пока не знаю. Но подозреваю, что это был близкий, очень близкий ему человек.

– Я могу узнать, на чем основано ваше подозрение?

– Можете. Дело в том, что в этом отеле вся система компьютеризирована и замкнута на главный компьютер. Как и во всех отелях такого уровня повсюду в мире. Вчера поздно ночью я проводил вашего покойного тестя в этот номер, открыл дверь карточкой-ключом, который мне выдали, и уложил Золотарева на кровать. Помог ему снять обувь и пиджак. А потом ушел. Система зафиксировала мой уход. Примерно через полтора-два часа к нему кто-то постучал. Уверяю вас, он был в таком состоянии, когда трудно даже подняться с кровати. Но он сумел подняться, подошел к дверям и открыл их. Если бы там был чужой, он бы не стал даже подниматься с кровати. Человек, стоявший за дверью, очевидно, подал голос и заставил Золотарева оторваться от подушки. Дверь открылась, и в комнату вошел неизвестный. Они о чем-то поговорили, и этот неизвестный ушел. Но карточка-ключ, которую я оставил на столике, затем исчезла. Золотарев снова заснул. Неизвестный воспользовался этой карточкой, вошел в номер во второй раз и нанес спящему удар по голове. Удар пришелся точно в висок. Вот и вся картина преступления.

– И вы думаете, что это был кто-то из нас? – спросил изумленный и несколько испуганный Ираклий. – Вы считаете, что

это был кто-то из его близких? А если к нему постучалась горничная?

– Не подходит. Во-первых, у горничных всегда есть свой запасной ключ. Вернее, универсальный ключ, который подходит ко всем номерам. И она могла бы зайти в номер с помощью этого ключа, а не ждать, пока ей откроет Золотарев. И, во-вторых, это отель высшего класса. Как говорят в Испании, не просто пять звездочек, а гранд люкс отель. А это значит, что поздно ночью сотрудники отеля не будут тревожить спящего гостя. Тем более что я, выходя из номера, повесил на дверях табличку «не беспокоить». Значит, к нему пришел кто-то из близких, который сначала позвонил в дверь, затем, возможно, постучал. И подал голос, чтобы Золотарев поднялся и отпер ему дверь. Все остальное вы знаете. Добавлю, что карточку-ключ я лично положил на столик. И она исчезла. Убедительно?

– Не знаю, – растерялся Ираклий, – я даже думать об этом не могу. Получается, что главные подозреваемые мы с господином Солицыным?

– Почему именно вы?

– Среди пятерых приехавших только мы двое мужчины.

– Я не сказал, что убийца был обязательно мужчиной.

– Тогда кто? – удивился Ираклий. – Полицейские сказали, что ему проломили голову. Чтобы так ударить, нужно приложить некоторое усилие, – он посмотрел на свои большие руки, – получается, что его мог убить или я, или его компа-

ньон. И в обоих случаях есть очень четкий мотив. Я могу получить его большое наследство, а Солицын избавиться от своего компаньона.

– Вы неправильно поняли. Ему не проломили голову. Чтобы сломать череп, нужно приложить большие усилия. Но его ударили лампой. И удар пришелся в висок. Возможно, его даже не хотели убить. Трудно убить лампой, если убийца на это рассчитывал. Возможно, его хотели оглушить. Но удар пришелся в висок, и Золотарев сразу умер. Для такого удара не обязательно быть сильным мужчиной. Этот удар может нанести и женщина, даже очень хрупкая. Теперь вы меня понимаете?

– Вы говорите страшные вещи, – признался Ираклий, – я даже думать об этом не хочу. Никто из нас не мог его убить, я в этом убежден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.